

За прошедшие 140 лет корейцы вписали немало славных страниц в летопись советской/российской истории, культуры и науки. Среди прославленных имен корейцев российского Дальнего Востока особое место занимают имена П.С. Цоя (Чхве Джэхён) (1860–1920) и героини гражданской войны А.П. Ким (Станкевич) (1885–1918). Многие корейцы принимали активное участие в Великой Отечественной войне, например, получивший звание Герой Советского Союза А.П. Мин (1915–1944).

В 1950–1960-е годы в СССР стали известны имена председателей корейских колхозов Узбекистана и Казахстана Ким Пён Хва (1905–1974) и Хван Ман Гыма (1921–1997). Огромный вклад в развитие отечественной исторической науки внесли академик АН СССР М.П. Ким (1908–1996), член-корреспондент АН СССР Г.Ф. Ким (1924–1989), академик РАЕН, заслуженный профессор МГУ М.Н. Пак, академик РАГН, доктор исторических наук, профессор Б.Д. Пак, академик РАЕН, доктор философских наук Г.А. Югай. Широкой популярностью пользуются поэты-барды Юлий Ким и Валерий Пак, певица народная артистка России Людмила Нам. До сих пор жива память о поэте, композиторе и певце Викторе Цое (1962–1990), который продолжает оставаться кумиром нескольких поколений российской молодежи. Огромными тиражами выходят на русском языке произведения писателей Романа Кима (1899–1967) и Анатолия Кима.

R. S. Dzharylgasinoва. Koreans in Russia

The essay is a brief introduction to the special section of the journal, which focuses on ethnography, history, and culture of Korean groups in Russia, which first settled in the Russian Far East 140 years ago.

© ЭО, 2004 г., № 4

Т. В. Волкова

РОССИЙСКИЕ КОРЕЙЦЫ: К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

“Так кто же мы, советские корейцы? В социальном плане мы – советские люди, предки которых обрели в России свою вторую родину. Вторая родина стала для нас единственной родиной. В национальном плане мы – корейцы, которые в составе Союза образуют народность, не имеющую своей территориальной автономии”.

*Г.А. Югай (1990)**

Корейцы проживают на территории нашей страны с 60-х годов XIX в. В 1937 г. они были насильственно выселены с Дальнего Востока, где жили компактно, в республике Средней Азии и Казахстан. И хотя, по мнению ряда исследователей¹, одной из задач, которые преследовал сталинский режим, переселяя корейцев, было как раз нарушение компактности их расселения, практически до 1960-х годов в этих республиках существовали корейские этнические анклав. В качестве примера можно привести левобережье реки Чирчик в Ташкентской обл., и Кызыл-Ординскую обл. в Казахстане. Однако примерно с середины 1950-х годов начался постепенный отток корейцев из республик Центральной Азии в другие регионы бывшего СССР. Таким образом, уже несколько поколений российских корейцев выросли в ином этнокультурном окружении.

* Югай Г.А. Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения. Ташкент, 1990. С. 11–12.

В данной статье предпринята попытка проанализировать возможные трансформации в самосознании российских корейцев², выявить их причины и предполагаемые последствия как на уровне этнической общности, так и на уровне личности.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, необходимо обозначить теоретические направления, сквозь призму которых в современной науке рассматривается проблема этнической идентичности (самосознания). На мой взгляд, ни одна из этих теорий, взятая по отдельности, не может раскрыть этот сложный феномен и его соотношение с другими видами социальной идентичности. В то же время в совокупности они помогают исследователю с различных сторон подойти к решению этой проблемы на примере отдельной личности или этнической общности.

Существует три подхода к определению этнической идентичности³: 1. Примордиализм, в котором можно выделить социально-историческое (Ю.В. Бромлей) и биосоциальное (Ч. Кейес, П. Ван ден Берге, Л.Н. Гумилев) направления. Первое подразумевает, что этнос – это “исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая... относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований, фиксированном в самоназвании”⁴. Согласно второй точке зрения, этносы представляют собой природно-биологические общности людей, т.е. человек принадлежит к той или иной этнической группе по праву рождения.

2. Конструктивистский подход (Б. Андерсон, Ф. Барт). Этничность понимается здесь как форма социальной организации культурных отличий, как интеллектуальный конструкт, создаваемый интеллектуальной или политической элитой, самоидентификация одних групп по отношению к другим.

3. Инструментализм. В его рамках этничность рассматривается как средство, необходимое для достижения групповых интересов (Г. Тэжфел, Г. Солдатова, Ю. Арутюнян, Л. Дробижева, А. Сусоколов). Этническая идентичность “является одной из главных характеристик индивида, которая отражает восприятие картины мира, систему ценностей, установок и убеждений, касающихся собственной группы”⁵. Согласно теории Г. Тэжфела, индивид может осознавать свою принадлежность к нескольким группам, то есть обладать множественной идентичностью. В ситуации выбора такой человек склоняется к принятию идентичности наиболее значимой для него группы⁶.

Идентичность – подвижная категория и подвержена изменениям в зависимости от жизненных ситуаций, через которые проходят группы и индивиды, что я и попытаюсь показать на примере российских корейцев.

В качестве источников при написании этой работы послужили наблюдения и интервью, с 2000 по 2003 г. проводившиеся мной в Ростовской обл., а также статьи в двух корейских периодических изданиях⁷, публицистические и научные работы, написанные корейскими авторами, в которых затрагивается проблема этнического самосознания.

Жизненные стратегии и проблема сохранения этнической идентичности

Политика русификации корейцев, в том числе и через систему образования, начала проводиться уже в первые десятилетия после их переселения в российские пределы. В Приморье к началу XX в. действовали церковно-приходские, миссионерские и правительственные русские школы, а также организованные корейцами сельские школы, где преподавание велось на корейском языке. Но фактически “образованные по-русски корейцы составляли лишь небольшую часть корейской общины, которая в целом продолжала жить очень замкнуто. Большинство корейцев русским языком не владело... В Приморье рядовой крестьянин в начале XX века вполне мог обойтись одним корейским языком. Можно было покупать товары только в корей-

ских магазинах, учить детей в корейских школах, общаться с корейскими старостами, читать корейские книги”⁸.

В 1920–1930-е годы, т.е. после установления советской власти на Дальнем Востоке, корейцам была предоставлена возможность получать образование на родном языке. Для этого разрабатывались учебные программы, шла подготовка специалистов, в том числе в педагогическом институте и двух педагогических училищах, переводились на корейский язык учебные пособия, действовала сеть национальных школ, где русский язык фактически преподавался как иностранный. На корейском языке выходили шесть газет и семь журналов, действовали различные общественные организации. Таким образом, до 1937 г. советская власть проводила в отношении корейцев политику, которую социолог Э. Дальстрём назвал бы позитивной или плюралистической сегрегацией, когда имеется возможность для сохранения и развития культуры меньшинства наравне с культурой большинства⁹.

Насильственная депортация корейцев с Дальнего Востока в районы республик Средней Азии и Казахстана в 1937 г. была вызвана комплексом внешне- и внутривнутриполитических осложнений, переживаемых страной в тот период. Установившийся в стране политический режим определил формы и методы переселения и сопровождавшие его репрессии в отношении представителей корейской интеллигенции, партийных и советских работников, военных. Механизм осуществления депортации (предшествующие ей и последующие аресты среди представителей разных социальных слоев; выселение в течение трех–четырёх дней, в результате чего приходилось оставлять практически все нажитое имущество; насильственное разделение семей; нечеловеческие условия, в которых людей доставляли к месту назначения, тяготы, связанные с обустройством на новом месте, и как следствие неподготовленности местных властей к принятию переселенцев – болезни и голод, высокая смертность особенно среди детей и стариков), а также тот факт, что до самой смерти И.В. Сталина в 1953 г. корейцы подвергались официальной дискриминации, хотя формально до 1945 г. не относились к категории спецпереселенцев¹⁰, негативно отразились на психологическом состоянии людей и их самосознании. Корейцы почувствовали себя гонимым, бесправным народом в стране, которая когда-то приютила их как беженцев и политических иммигрантов.

Депортация самым пагубным образом отразилась на культурном развитии этноса. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. “О реорганизации национальных школ”, корейские школы были преобразованы в школы обычного типа¹¹; в том же году закрылось корейское педагогическое училище, а педагогический институт, переехавший из Владивостока, где он был основан в 1932 г., в г. Кзыл-Орду, переведен на русский язык обучения. Таким образом, корейцы фактически лишились возможности получать образование на родном языке.

Тем не менее их положение было лучше, чем других “репрессированных народов” (немцев, калмыков, крымских татар). Корейцы могли передвигаться в пределах “своих” республик, а при наличии специального разрешения и за их границы. Они могли поступать в вузы, хотя многие специальности в сталинские времена были для них закрыты, могли с известными оговорками, занимать ответственные посты.

Демократические преобразования второй половины 1950-х годов затронули и корейцев. Важное значение имело изменение их правового статуса, хотя механизмы скрытой дискриминации продолжали работать. Например, при продвижении по партийной линии “потолком” для корейца была должность инструктора райкома партии¹².

Оказавшись после 1937 г. в экстремальных условиях, корейцы вынуждены были выбирать стратегии выживания и адаптации. Выбор осуществлялся как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Возможно, именно пассивность государства в решении проблем репрессированных народов в сочетании с присущей корейцам прагматичностью и склонностью к индивидуализму подталкивали их к ассимиляции и ориентировали на достижение стабильного положения в обществе.

Согласно принятым в социальной психологии теоретическим концепциям, члены группы меньшинства, не удовлетворенные своим социальным статусом, могут попытаться покинуть ее. Для этого они могут принять ориентацию на будущее и через овладение определенной идеологией – религиозной или политической – оказаться в новой группе. При этом значение собственной этнической идентичности может отойти для них на второй план, тогда как на первый выходят религиозная, профессиональная и др. Но они также могут сделать акцент на своем этническом прошлом и попытаться оказать давление на общество с целью изменения социального статуса группы¹³. Если это не удается, остается возможность индивидуальной мобильности, переход из одной группы в другую. Согласно модели Д. Тайлора и Д. Макернана, “...члены низкостатусных групп в первую очередь исследуют возможность индивидуального преодоления межгрупповых границ и приобретения членства в высокостатусной группе, несмотря на значительные усилия, затрачиваемые при осуществлении этой стратегии”¹⁴.

Попытка восстановить позитивный образ группы осуществлялась уже в первые годы после переселения, в годы войны, когда многие корейцы просились на фронт, а некоторые и попадали туда, а также в 1950-е годы, когда слава о достижениях корейских колхозов гремела на всю страну. Среди корейцев было более сотни Героев социалистического труда¹⁵. Можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на свой печальный исторический опыт, корейцы в СССР имели репутацию трудолюбивого и лояльного народа. Однако осуществлять какие-либо коллективные действия в целях повышения социального статуса группы даже в условиях хрущевской оттепели было бесполезно и опасно, хотя такие попытки и предпринимались в рамках правил игры, установленных системой. Пример тому – письмо корейских коммунистов Н.С. Хрущеву в 1958 г., имевшее целью привлечь внимание к положению корейского меньшинства¹⁶. Поэтому единственно возможными стратегиями выживания оказались те, что могли обеспечить улучшение благосостояния отдельных семей.

Примерно с середины 1950-х годов, после отмены официальных ограничений на передвижение по стране, корейцы начали покидать колхозы и мигрировать как в пределах среднеазиатских республик, так и в другие регионы СССР. Кому-то удалось уехать еще в конце 1940-х – начале 1950-х годов, для чего “утрачивались” паспорта или в них стирались отметки, запрещавшие передвижения по стране. Тем самым наиболее решительно настроенные корейцы выражали свой протест против дискриминационной политики государства. Среди причин миграций можно выделить укрупнение колхозов, в результате чего “чисто корейских” хозяйств практически не осталось, переход к возделыванию технических культур (хлопок, свекла, кенаф), не традиционных для корейцев¹⁷, невозможность добиться общественного признания и экономического процветания в условиях колхозно-принудительной системы коллективного труда.

Миграция корейцев была связана с реализацией двух основных жизненных стратегий, которые, наметившись в послевоенные годы, сохраняются до настоящего времени. Это “путь наверх” через получение образования и через освоение определенной экономической ниши, которой, в частности, стало сезонное овощеводство. Обе стратегии опираются на систему ценностей, заложенную еще конфуцианской этикой (трудовое воспитание и стремление к образованию). Культурным основанием для последней стала традиционная для корейцев форма земледелия, предполагающая работу на небольших площадях силами малого коллектива людей – нуклеарной семьи и ближайших родственников.

Успешное осуществление как одной, так и другой стратегии находится в определенной зависимости от политики государства (будь то дискриминация по национальному признаку при поступлении в вуз, при продвижении по служебной лестнице или отношение государства к индивидуально-трудоустройству, которая получила право на существование в СССР лишь в конце 1980-х), а также от отношения к ним со стороны общества (занятие сезонным овощеводством в советское время неодно-

значно, а подчас и негативно воспринималось в том числе и в корейской среде). Поэтому, обе стратегии, во-первых, никогда не существовали параллельно, а везде взаимодополняли и подкрепляли друг друга и, во-вторых, требовали для своего осуществления не только индивидуальных, но непременно и коллективных усилий. В первые послевоенные годы для того чтобы предоставить одному из членов семьи возможность получить высшее образование, остальным необходимо было трудиться в колхозе или на производстве. Занимаясь овощеводством, родители создавали детям определенную материальную базу для получения образования. В настоящее время это особенно актуально, поскольку образование становится платным. Следует также отметить, что часто дети по мере возможности помогали родителям в поле. В свою очередь успешная реализация другой стратегии способствовала не только индивидуальной мобильности, но и росту благосостояния семьи и престижа всей группы. Среди корейцев еще не так давно наблюдался самый высокий процент лиц, имевших высшее образование. В процессе структурной ассимиляции корейцы продвинулись довольно далеко. Их можно встретить в сфере науки и образования, культуры и искусства, медицины, на ответственных должностях в различных отраслях экономики, в бизнесе, силовых структурах и во власти.

Выбор индивидом той или иной стратегии адаптации, в свою очередь, влияет на степень востребованности и возможности сохранения и трансляции этнического опыта и элементов национальной культуры. Стратегия адаптации и вертикальной мобильности через образование, предполагающая большую степень аккультурации, способствует нарушению этнических связей как каналов передачи этнической информации и со временем утрате некоторых элементов культуры и изменению самосознания. В результате человек оказывается перед выбором: либо полностью интегрироваться в господствующую культуру через усвоение ее элементов и ценностей, что может в дальнейшем привести к ассимиляции и сильной идентификации с группой большинства (этот путь наиболее тяжелый), либо наоборот попытаться утвердиться в обществе за счет акцентирования своей уникальности, этнического своеобразия, что может сопровождаться, если, конечно, не носит чисто декларативный характер, сильной идентификацией только со своей группой. Это более легкий путь при условии, если индивиду удастся сохранить объективные и субъективные основания, подкрепляющие его этничность. Но есть еще и третий путь, основанный на модели чередования или переключения этнических поведенческих кодов в зависимости от ситуации (“вести себя с корейцами как кореец, а с русскими как русский”). Для него характерна идентификация с обеими взаимодействующими группами, что является показателем интеграции или бикультурализма. Большинство корейцев, выбравших стратегию адаптации через образование, как мне кажется, идут именно по этому пути.

Стратегия адаптации через освоение определенной экономической ниши, напротив, требует наличия разветвленной сети этнических и родственных связей, без которых “работа на гектарах” по договорам с колхозами на условиях аренды (корейцы называют это *кобонджиль*), просто невозможна, так как нанимать рабочую силу частным лицам в СССР было запрещено. Поэтому на полях трудились родственники и друзья. Следствием такой практики рано или поздно становится концентрация представителей корейской национальности в определенном регионе, благоприятном для занятия земледелием (Северный Кавказ, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская обл. и т.д.), где они со временем оседают, образуя общины-диаспоры, между которыми складываются сети коммуникации, связывающие их между собой и с регионом исхода (в данном случае центральноазиатскими республиками). В результате происходит постоянный обмен информацией, что облегчает передачу этнокультурных ценностей и моделей поведения из поколения в поколение. Кроме того, занимаемая корейцами экономическая ниша ставит их в ситуацию активного взаимодействия, а иногда конфликта и конкуренции с другими этническими группами региона (применительно к Ростовской обл. это могут быть, например, директора

колхозов, рабочие – жители данного региона, а также близлежащих областей Украины, представители населения республик северного Кавказа, например, аварцы; в последние годы это еще и русские кредиторы, азербайджанские и армянские перекупщики. Такие отношения укрепляют чувство этнической солидарности, что, наряду со своеобразием антропологического типа корейцев, а также такими элементами традиционной культуры, как национальная кухня, семейные и календарные обычаи и обряды, отличающими корейцев от окружающего населения, способствует сохранению этнической идентичности членов таких групп как общины корейской диаспоры в регионах.

В процессе осуществления обеих стратегий этническая идентичность трансформируется под влиянием различных факторов. Некоторые из них будут кратко рассмотрены далее.

Факторы, влияющие на формирование и сохранение этнической идентичности российских корейцев

Своеобразие антропологического типа. Частью этнической идентичности корейцев является ощущение, что они обладают генетически унаследованными отличительными признаками. Объективное наличие таких признаков может затруднить желание некоторых представителей корейской диаспоры полностью влиться в культуру большинства не только на поведенческом уровне, но и через изменение собственной идентичности, так как встречает сопротивление доминирующей группы. Поэтому лишь немногие корейцы отваживаются называть себя, скажем, русскими.

Особенно актуальной эта проблема становится для тех, кто оказался вне зоны компактного проживания корейцев, среди населения, антропологически отличного от них. Свою уникальность ребенок начинает ощущать еще с детства через общение в группе сверстников. В этой связи приведу отрывок из воспоминаний кореянки, семья которой одной из первых приехала в Ростовскую обл. в середине 1950-х годов. Тогда ей было года четыре–пять: “Когда мы приехали сюда, русские дети не видели корейцев. И я не видела голубоглазых детей. Я попросила у мамы кусок хлеба и дала девочке голубоглазой. Потом прибегаю к маме и говорю: “Мама, она не слепая! Она видит!” Дети играли все вместе. Если ругались – дразнили узкоглазыми. Когда в школу пошли, уже не дразнились. Дети уже знали, что мы – корейцы”¹⁸.

Территориальный фактор. Корейцы на территории СССР не имели собственно национально-территориального образования, официально признанного государством. Хотя до 1937 г. таким образованием фактически являлся Посьетский р-н ДВК, где корейцы составляли большинство населения. Вряд ли корейская национально-территориальная автономия будет создана и в России, что понимают и лидеры корейских общественных организаций. Исторически сложилось так, что на данный момент территориальный фактор в случае с корейцами способствует не поддержанию единой, общекорейской идентичности, а формированию множественной идентичности. Каждая локальная община корейцев наряду с осознанием принадлежности к единой этнической общности – *корё сарам* – формирует и собственную локальную идентичность, которая закрепляется в этнонимах “сахалинские”, “российские”, “ташкентские”, “казахстанские” или, с точки зрения корейцев, в течение десятилетий проживающих в России, – “азиатские” корейцы.

Различия между отдельными группами корейцев проявляются в виде объективных характеристик: в рационе и культуре питания; в языке – диалекты северных провинций, на которых говорит большинство, отличаются от южного, на котором, в частности, говорят сахалинские корейцы, и их носители утверждают, что не понимают или плохо понимают друг друга; в степени владения корейским языком – среди сахалинских корейцев язык сохранился лучше, чем среди тех, кто прибыл из республик Средней Азии и Казахстана, на уровне самоорганизации (например, сахалинские корейцы, проживающие в Ростовской обл., создали свою общественную организа-

цию – отделение “Общества разделенных семей сахалинских корейцев”, несмотря на то, что существует и общерегиональная – “Общественное объединение корейцев Ростовской области”), а также в субъективном “приписывании” индивидам качеств, якобы характерных для представителей этнических групп регионов, откуда они прибыли.

Экономический фактор. Экономический фактор может оказывать определенное влияние на изменение этнической идентичности отдельных групп корейцев благодаря наличию особых этнических профессиональных ниш в структуре экономики постсоветских республик. В первую очередь речь идет о сельском хозяйстве, в том числе об уже упоминавшемся кобонджиль, хотя не все корейцы, чей труд так или иначе связан с землей, работают “на гектарах”. Тем не менее в этом секторе экономики занято большинство корейского населения, например, Ростовской обл. Велика доля земледельцев и среди корейцев других регионов, несмотря на то, что это один из самых урбанизированных этносов в России. Наряду с сезонным овощеводством российские корейцы занимают определенную “этническую” нишу и в сфере малого бизнеса – приготовление и реализация так называемых корейских салатов.

Наличие экономической специализации подразумевает конкурентную борьбу с другими этническими группами, что обостряет чувство принадлежности к собственной. Кроме того, существует и внутригрупповая конкуренция, например, между старжилами или вновь прибывшими в рамках одного региона проживания, или соперничество за рынки сбыта между жителями различных регионов, скажем, Краснодарского края, где овощи созревают быстрее, и Ростовской обл. Таким образом, создается основание для актуализации “региональной” идентичности.

Следует отметить также, что существующая специализация восходит к культурным традициям корейцев и является результатом свободного выбора членов общины, а не принуждения или дискриминации со стороны доминирующей группы. Стратегия продвижения вверх благодаря образованию способствовала тому, что корейцев можно встретить во всех отраслях народного хозяйства, о чем говорилось выше.

Однако в некоторых случаях реализация стратегии адаптации через образование приводила к тому, что социальная и профессиональная идентичность начинала превалировать над этнической. И здесь уже роль государственной политики гораздо существеннее. По моим наблюдениям и опыту общения с представителями корейской интеллигенции Ростовской обл., подобное замещение было характерно в основном для мужчин, имевших опыт преодоления дискриминации в образовательной, профессиональной или иной сфере и достигших сравнительно высокого социального статуса, сделавших удачную профессиональную карьеру¹⁹.

Религия. Религия может поддерживать чувство этнической идентичности, а может разрушать его. По мнению Дж. Де Воса, когда народная религия разрушается, групповая идентичность получает жестокий удар. “Подрыв основополагающих представлений приводит к ослаблению как индивидуальной, так и коллективной выживаемости”²⁰. Наступление государства на национальные религии корейцев – буддизм и шаманизм – началось практически в первые годы их переселения в Россию. Однако обращение корейцев в православие было поверхностным, оно не затронуло существенным образом их мироощущения и менталитета. В результате депортации они оказались в исламском окружении, но в рамках государства, провозгласившего атеизм в качестве одной из составляющих своей идеологии. Корейцы выбрали для себя нейтральную позицию по отношению как к религии окружающего населения, так и к государственной идеологии, хотя им и пришлось все же пойти на значительные уступки последней – в противном случае “путь наверх” был бы для них закрыт. Но в семейно-бытовой сфере корейцы продолжали и продолжают до настоящего времени придерживаться этики конфуцианства и обрядовой практики, в основе которой лежали традиционные верования. Вместе с тем они старались слишком явно не демонстрировать приверженность некоторым обычаям предков, особенно если жили небольшими группами в иноэтническом окружении. Например, в ходе бесед с

представителями старшего поколения корейцев Ростовской обл., обнаружилось, что некоторые элементы похоронной обрядности они старались опускать, чтобы эти действия не были превратно истолкованы местным населением и тем самым не нанесли ущерб имиджу группы²¹.

Однако в последнее десятилетие в результате деятельности на постсоветском пространстве разного рода американских и южнокорейских протестантских церквей многие корейцы начинают интересоваться религией. В итоге “евангелизации” в той или иной степени меняется их мироощущение, происходит переоценка ценностей, в том числе и культурных.

На начальном этапе своей деятельности южнокорейские протестантские миссионерские организации активно использовали национальные чувства потенциальных прихожан – этнических корейцев, уже в какой-то мере актуализированных на фоне роста национального самосознания народов на всем постсоветском пространстве. При церквях открывали курсы корейского языка, которые иногда использовались для религиозной пропаганды, так как преподавателями там часто были пасторы или активные прихожане. При помощи церкви можно было даже съездить в Республику Корея или получить оттуда благотворительную помощь. В России и в США²² многие корейцы первоначально приходят в церковь ради общения с соплеменниками. После окончания службы организуются чаепития, по праздникам – выезды на природу. В церквях, где значительное число прихожан составляют корейцы, практикуется исполнение религиозных гимнов как на русском, так и на корейском языках. Несмотря на то, что многие не понимают смысла написанного и не всегда могут даже прочитать текст, это привлекает людей. Некоторые прихожане протестантской церкви г. Батайска Ростовской обл. говорили мне, что они ходят сюда потому, что это “их” церковь. На сегодняшний день это, пожалуй, единственная религиозная община в области, объединяющая исключительно корейцев – небольшую группу в 30–40 человек из жителей города, а также близлежащего села. Методистские, пресвитерианские и другие протестантские церкви в Ростове-на-Дону наряду с корейцами активно посещают и представители других национальностей.

Такие организации, по крайней мере, в Ростовской обл., представляют собой религиозные общины с определенной степенью самоуправления и разработанной структурой – как вертикальной, так и горизонтальной. В частности, если есть возможность, организуются молодежные и детские группы. Для привлечения детей и молодежи проводится целенаправленная работа с учетом интересов данных возрастных групп. Например, в церкви могут стоять компьютеры, теннисный стол и т.д. Разрабатываются планы создания музыкальных коллективов в качестве “групп прославления”. Религиозные организации могут быть в той или иной степени связаны с корейским общественным движением, вплоть до ассоциированного членства, как, например, культурный центр “Первое марта” в Москве²³. Фактически церковные организации действуют параллельно с этническими, и некоторые прихожане являются активными членами как тех, так и других.

Все это способствует пробуждению этнического самосознания, повышает интерес к своей культуре, ценность общения с соплеменниками. Корейцы посещают не только религиозные центры, основанные южнокорейскими пасторами, но и другие, не имеющие никакого отношения к их исторической родине или общественным структурам. Среди корейцев Ростовской обл., с которыми я общалась, есть такие, кто считает себя буддистами, православными, методистами, относит себя к другим религиозным организациям, таким как “Армия спасения” или церковь “Новое поколение”.

Люди приходят в церковь за поддержкой, которую надеются получить не только от Бога, но и от религиозной общины, способной оказать моральную поддержку, психологическую и материальную помощь, чего этническая группа, по мнению индивида, не всегда в состоянии ему предоставить. Поэтому принадлежность к религи-

озной общине при определенных обстоятельствах в ситуации самоидентификации может оказаться для человека важнее принадлежности к этнической группе.

Результатом этой новой волны христианизации российских корейцев может стать переоценка ценностей, связанных с буддистской и конфуцианской традицией, сквозь призму христианской религии. Последнее подчас приводит как к внутрилличностным конфликтам, так и к конфликтам внутри семьи и ближайшего социального окружения. Например, по корейской традиции во время похорон и поминок усопшего родственники должны отдавать земной поклон душе покойного, Духу земли и Духу неба на кладбище, у могилы, а также в доме, около специального поминального столика. С точки зрения христианской религии мертвые не нуждаются в поклонах, поклонение духам рассматривается как идолопоклонничество. Вместо этого необходимо просто прочитать молитву. Таким образом, желание человека быть похороненным по христианскому обряду может вступить в противоречие с воззрением его родственников, ориентирующихся помимо своих представлений еще и на мнение корейской общины.

Вот несколько высказываний по этому поводу, случайно подслушанных во время оживленного спора о религии. Свое мнение по этому вопросу высказывали женщины 45–50 лет, не посещающие какую-либо из существующих в Ростове-на-Дону протестантских церквей: «Надо отдать дань старикам. Ты веришь – это твое дело, но это наши обычаи. Мы всю жизнь их придерживаемся... Если наши законы, обычаи перечеркивает – это не вера, так как это вся жизнь твоя была, твоих предков... У меня отец умрет – я хоть какую веру приму, но “чори”²⁴ буду делать»²⁵. “Я никогда свои обычаи не перечеркну. Наши родители это дали нам...”²⁶.

Надо отдать должное религиозной общине, которая, как правило, идет на определенные уступки своим членам, сглаживая конфликтные ситуации насколько это возможно. Тем не менее, на данном этапе взаимоотношения между прихожанами и “мирскими” людьми складываются далеко не безоблачно, хотя открытого противостояния нет. Однако в данном случае религия не способствует консолидации корейской общины, а для кого-то может потенциально стать стимулом в большей степени идентифицировать себя с той или иной группой.

Язык. Его часто считают одним из основных факторов, способствующих сохранению этнической идентичности. Однако в основном имеется в виду скорее символическое значение языка, а не его фактическое употребление всеми членами конкретной группы.

Фактически, по мнению А. Ланькова, “языковая ассимиляция корейцев по-настоящему началась именно после переселения и была результатом не столько сознательной политики властей, сколько новых условий их жизни”²⁷.

Корейцы понимали необходимость овладения языком доминирующего, т.е. русскоязычного населения, так как это облегчало для них интеграцию в российское, а затем советское общество, а вместе с этим определенные социальные и экономические преимущества. Поэтому когда в местах компактного проживания корейцев в 1950–1960-е годы было введено преподавание корейского языка как иностранного²⁸, с 1960-х и как родного²⁹, а в Кзыл-Ординской обл. в начале 1950-х годов существовало даже радиовещание на корейском языке, этого оказалось недостаточно для сохранения языковой среды. Корейский язык оказался фактически невостребованным вне сферы бытового общения, что лишало молодое поколение стимула к его изучению. В то же время наблюдалось стремление к овладению русским языком³⁰. Установки родителей, которые и в семье старались говорить с детьми по-русски, даже если сами плохо владели этим языком, сыграли, вероятно, решающую роль в процессе перехода на языковой код иноэтнического окружения, который осуществился примерно к 1970-м годам³¹. При этом мужчины благодаря большей вовлеченности в процесс общественного производства быстрее переходили на русский язык, чем женщины, которые и до сих пор, если брать поколение 50–60-летних, между собой

нередко говорят по-корейски, время от времени вставляя в свою речь русские слова и выражения.

Поскольку язык является отражением менталитета, характерных для национальной культуры взаимоотношений между людьми, корейская общественность в России и в других бывших советских республиках, где проживают корейцы, бьет тревогу по поводу утраты языка и призывает к его возрождению. Эта тема в основном обсуждается в среде корейской интеллектуальной элиты, так как именно эта прослойка, избравшая для себя стратегию выживания через образование и интеграцию в культуру доминирующего большинства, в значительной степени оказалась оторвана от языковой среды, которая еще поддерживается старшим поколением в корейских общинах, в частности, в тех регионах Российской Федерации, где значительная часть корейского населения занята в аграрном секторе.

В последние годы стало очевидным, что языковую проблему не просто решить. Так исторически сложилось, что большинство российских корейцев, за исключением выходцев с о-ва Сахалин, говорящих на сеульском диалекте, и малочисленной группы бывших граждан КНДР, говорят и считают родным *корё мар* – один из диалектов корейского языка. Их предки, переселившиеся в Россию в конце XIX в., говорили в основном на северо-восточном хамгенском диалекте, который, лишившись поддержки со стороны литературного языка³², был законсервирован уже на территории России/СССР. В результате он обогатился заимствованиями из русского, узбекского, казахского и других языков. В настоящее время сложной и дискуссионной проблемой является определение того, какой язык следует преподавать – исчезающий вместе со старшим поколением *коре мар* (*корё маль*), сеульский диалект (*хангук маль*), который большинство российских корейцев будут изучать и изучают как иностранный, или, может быть, пхеньянский.

В настоящее время, несмотря на открытие различных курсов и корейских отделений в вузах, в основном в центральноазиатских республиках и на Дальнем Востоке, набирающие оборот контакты с Республикой Корея, реальная сфера применения корейского языка все еще ничтожно мала и не дает стимула к его изучению.

С экспансией русского языка, который вытесняет корейский практически из всех сфер жизнедеятельности, включая последний форпост – семью, последний постепенно приобретает роль символа социокультурной традиции, на что указывал, в частности, Х. Хаарманн³³. Это подтверждается и довольно высокой долей корейцев СССР, называвших корейский язык родным (в 1970 г. – 64, в 1979 г. – 56,1, а в 1989 г. – 51,7%³⁴). Однако этносоциологические и социолингвистические исследования, проведенные в последние годы среди корейской диаспоры, подтвердили несоответствие объективной языковой компетенции и субъективного осознания языка в качестве родного³⁵. Достаточно высок процент и тех, кто признает необходимость или хотел бы знать родной язык³⁶. Таким образом, происходит демонстрация символа, укрепляющего самоидентификацию индивида: “Раз я кореец, значит, и мой родной язык – корейский”.

Вместе с тем язык в его символическом значении может стать основой для колебаний относительно собственной идентичности, формирования негативного представления о себе с точки зрения этнической принадлежности: “Могу ли я назвать себя корейцем/корейкой, если не знаю корейского языка?”.

Однако значительное число российских корейцев не рассматривают наличие или отсутствие навыков владения родным языком в качестве важного компонента самоидентификации: “Я кореец, хотя мой родной язык – русский”. Таким образом человек считает себя и признается окружающими в качестве члена этнической группы вне зависимости от уровня языковой компетентности. Это означает, что для его собственной идентификации становятся более важными другие компоненты, такие как кровное родство со своим народом, связанное с этим антропологическое своеобразие, особенно на фоне большинства населения тех регионов России, где проживают

корейцы, общие традиции, кулинарные пристрастия, определенный род занятий и т.д.

Межнациональные браки. Несмотря на постепенное исчезновение мест компактного расселения и обширную географию проживания, корейцы “осознают свое этническое родство и поддерживают друг с другом тесные связи”³⁷. Кроме того, количество межнациональных браков среди корейцев неуклонно растет. И проблема самоидентификации, пожалуй, наиболее остро встает у детей, родившихся в национально-смешанных семьях. Но и здесь большую роль играет этнокультурное окружение, а также структура семьи и распределение ролей внутри нее. Например, допустим, что такая семья проживает в регионе, где корейской общины нет, хотя могут быть отдельные корейские семьи, и отец-кореец большую часть времени проводит на работе, а дети общаются в основном с матерью – русской, которая выступает в качестве главного агента социализации. В этом случае существенно возрастает вероятность того, что дети, повзрослев, начнут идентифицировать себя как русские. Формирование этнической идентичности начинается с детства и заканчивается в подростковом возрасте. Но это не означает, что она не подвергается определенным трансформациям на протяжении жизни человека. В дальнейшем он может принять национальность другого родителя, но в этом случае мы говорим о декларируемой идентичности. Что же касается самовосприятия, то есть основания предполагать, что жизненные обстоятельства могут вызвать кризис идентичности и даже привести к маргинализации сознания, когда человек ощущает себя принадлежащим одновременно к двум культурам, не может однозначно причислить себя к одной из них, несмотря на возникающую время от времени потребность сделать это.

Приведу пример, взятый мной из интервью с телеведущим красноярского телевидения Сергеем Кимом (48 лет), опубликованного в 1993 г. в журнале “Корё сарам”, вышедшем в Санкт-Петербурге³⁸. Сергей Ким вырос в семье, где отец – кореец, а мать – русская. Дома родители никогда не говорили о своей жизни, поэтому Сергей практически ничего не знает о судьбе отца. Когда он получал паспорт, то записал себя русским, и это обидело отца. Вот как Сергей говорит о своей национальной идентичности: “Если проанализировать, какую музыку я люблю, какую литературу читаю, какие фильмы смотрю, как воспринимаю природу, словом, в чисто культурном плане, я, видимо, русский человек. Но если быть до конца искренним и откровенным, то в отношениях с русскими людьми я чувствую себя человеком несколько другой культуры. Мне кажется, что восточная, корейская традиция – более мягкая и доброжелательная, она воспринимает человека более открыто, с большим уважением что ли. В этом смысле я ощущаю себя корейцем... К стыду своему, и я это переживаю до сих пор, я действительно ощущаю себя человеком без национальности. Я действительно космополит... А то, что жена у меня украинка, лишь усиливает мое космополитическое чувство”³⁹. Но с тех пор как в Красноярске образовалась корейская ассоциация и начали проводиться различные мероприятия, которые Сергей стал посещать, у него появился интерес к своему корейскому прошлому, «изменилось отношение к понятию “корейское”»⁴⁰.

Российские корейцы и Корея (КНДР и Республика Корея). После того как в начале 1930-х годов граница СССР на Дальнем Востоке была закрыта для притока мигрантов и тем более после депортации, российские корейцы практически потеряли связь с исторической родиной, которая в то время являлась колонией Японии. После окончания Второй мировой войны, когда на территории Корейского п-ова образовались два государства – Республика Корея (август 1948 г.) и КНДР (сентябрь 1948 г.), та же участь постигла и сахалинских корейцев. В течение нескольких десятилетий доходившая до советских людей информация о происходящем на Корейском п-ове носила идеологический характер. Несмотря на то, что в 1950-е годы по заданию партии военные и технические специалисты из числа российских корейцев отправлялись в КНДР помогать восстанавливать страну после войны, и тогда, и позже вплоть до недавнего времени об этой стране практически не было достоверной информа-

ции. То же самое можно сказать и о Республике Корея. Поэтому ассоциировать себя с исторической родиной многим советским корейцам было трудно. К тому же поколения, родившиеся и выросшие в СССР, считали своей родиной уже эту страну. Сахалинские же корейцы сохранили эмоциональную связь с родиной предков. Некоторые из них (старшее поколение) родились там и имеют близких родственников в основном в Республике Корея.

После Олимпиады 1988 г. в Сеуле произошло в каком-то смысле “открытие” Кореи для советских граждан. Одновременно на волне демократизации зарождалось и корейское общественное движение в СССР, лидеры которого стремились установить контакты с исторической родиной. Советские/российские корейцы смогли познакомиться с родиной предков, посетить ее в качестве туристов, своими глазами увидеть “южнокорейское чудо”. Стало появляться чувство национальной гордости. Имидж Республики Корея как страны, добившейся значительных экономических успехов и высокого уровня благосостояния населения, в определенной степени вносит вклад в повышение статуса корейской диаспоры в СНГ⁴¹. Но есть еще и КНДР, выходцами из которой является большинство российских корейцев.

Оба государства, расположенные на Корейском п-ове, начали бороться за сердца бывших советских корейцев. Приезжали преподаватели, присылались учебные пособия, молодежь могла поехать в Корею на стажировку, происходили обмены делегациями разного уровня, гастроли самодеятельных и театральных коллективов, информация о Стране утренней свежести стала появляться (а в каких-то случаях и доминировать) в периодических изданиях, выпускаемых национальными ассоциациями и т.д.

Вместе с тем для самосознания большинства корейцев гораздо важнее оказались непосредственные контакты с жителями Корейского п-ова. В основном это были граждане Республики Корея – пасторы, преподаватели, бизнесмены и др. В процессе общения с ними российские корейцы обнаружили, что они разные и часто не понимают друг друга, даже если говорят по-корейски. Между российскими корейцами и представителями их исторической родины существуют отличия не только в языке, обычаях и обрядах, но и в менталитете. Непонимание нередко порождает конфликты и недовольство с обеих сторон. Мне известен случай разногласий, возникших между пастором из Республики Корея и прихожанами одной из протестантских церквей в Ростовской обл., когда каждая из сторон рассматривала вопросы организационной работы в данной религиозной общине со своей точки зрения. В результате конфликта часть прихожан покинула церковь, и потребовалось немало усилий со стороны руководства церкви, чтобы вновь завоевать доверие людей”⁴².

Таким образом, если на постсоветском пространстве корейцы осознают себя корейцами, то, оказавшись в Корее или вступив в контакт с жителями полуострова, они ощущают себя русскими. Многие признают, что не смогли бы и даже не хотели бы жить на исторической родине.

В последние годы российские корейцы получили возможность познакомиться и с представителями корейской зарубежной диаспоры. В частности, в России много корейцев из Китая, которых российские корейцы, например, в Ростовской обл. нередко именуют “китайцами”. В этом регионе выходы из Китая занимают в основном торговлей, общаются с местными корейцами, но определенная дистанция между ними, как мне показалось, все же сохраняется. Некоторые бизнесмены из российских корейцев устанавливают деловые контакты с соотечественниками, проживающими в Европе.

Проблема возрождения национального самосознания, или существует ли вероятность ассимиляции

Сами корейцы признают за собой склонность объединяться в группы, что сочетается с присущим этому народу индивидуализмом. В коллективе, родственном или соседском, легче выжить, чем в одиночку. Корейцы всегда старались поддерживать

друг друга. Овощеводческие бригады набирались из родственников и знакомых. Перемещаясь по стране, корейцы старались селиться группами. Даже в небольших общинах люди стихийно создавали неофициальные землячества, в рамках которых проводились различные календарные и семейные праздники, осуществлялась взаимопомощь.

С конца 1980-х годов в стране стали появляться корейские культурные центры и общественные организации, провозгласившие своей задачей возрождение национального самосознания, языка и культуры. При содействии и организационной поддержке этих организаций проводятся мероприятия и акции, связанные с годовщинами различных исторических событий, относящихся к жизни корейцев в СССР (например, осенью 1997 г. была организована акция под названием “Поезд Памяти”, посвященная 60-летию депортации корейцев с Дальнего Востока), или с празднованием национальных календарных праздников, например, Нового года по восточному календарю. Организуются языковые курсы, при ассоциациях создаются клубы по интересам, осуществляется материальная поддержка стариков и одаренной молодежи, творческих коллективов, открываются рестораны корейской кухни и даже корейское кладбище под Москвой. Но далеко не все российские корейцы оказываются вовлеченными в работу корейских организаций.

Деятельность общественных организаций вносит весьма существенный вклад в формирование и актуализацию этнической идентичности российских корейцев. Тема возрождения этноса постоянно присутствует в корейских печатных СМИ, в выступлениях корейских историков и обществоведов на конференциях и публичных мероприятиях. Корейская общественность бьет тревогу по поводу угрозы ассимиляции и размывания нации.

Насколько реальна такая угроза? Действительно ли корейцы идут по пути ассимиляции? Как следует на это реагировать?

На эти вопросы невозможно дать однозначных ответов. Легко понять тревогу известного корееведа Г. Кима по поводу “раскола” нации, появления на постсоветском пространстве “узбекских”, “казахстанских” “российских корейцев”. Но, скорее всего, это процесс закономерный, связанный в большей степени с образом жизни самих корейцев, чем с политическими играми лидеров бывших союзных республик, а ныне независимых государств. Распад СССР действительно нанес удар по существующей сети связей между корейскими общинами. Но эти связи полностью не оборвались. Напротив, к ним прибавились контакты с зарубежными соотечественниками и исторической родиной. Поэтому в дальнейшем мы сможем наблюдать формирование особой диаспорной идентичности у корейцев на постсоветском пространстве.

Что касается проблемы “утраты национального самосознания”, о которой нередко говорят некоторые представители корейской интеллигенции, то не следует забывать, что этничность является зависимой переменной⁴³, т.е. возрастает и ослабевает под влиянием внешних обстоятельств самого разного рода. В июне 2002 г. очередной чемпионат мира по футболу проходил в Республике Корея и Японии. В это время я была в Ростовской обл. и могла наблюдать, как мои знакомые корейцы, у кого была возможность (так как на полях часто нет электричества), когда играла южнокорейская команда, на работе и дома сидели перед экранами телевизоров – болели “за наших”. Результаты матчей были одной из главных тем обсуждения при встречах. Вероятно, нечто подобное происходило и в других регионах, где проживают корейцы. Я спросила одного из моих информантов, за кого бы он болел, если бы на чемпионате встретились Россия и Корея. Подумав некоторое время, он ответил так: «При ответе кто для меня “свой” надо учитывать, что болеешь либо умом, либо сердцем. На этот вопрос нет ответа, так как в любом случае человек не будет прав. Если я скажу, что болел бы за Россию, меня обвинят в том, что у меня нет сердца, если отвечу наоборот – что нет ума. Так что я болел бы за “своих”. Если такое когда-нибудь случится, я буду болеть за футбол. Это все равно такие же чувства, как ес-

ли бы боролись два моих брата. Я испытал бы чувство гордости и радости, что попал в финал. В любом случае – радость»⁴⁴.

Россия стала для корейцев новой родиной, и они ощущают свою принадлежность к этой стране и русской культуре наряду с принадлежностью к общекорейскому этносу и корейской культуре, которая еще живет, в частности, в семейных обычаях и традициях, передаваемых из поколения в поколение.

Практически с момента переселения в российские пределы корейцы оказались перед выбором – бороться за национальную самобытность (например, отказаться принимать крещение и сохранять веру своих предков) или интегрироваться. Благодаря присущему им прагматизму они решили, что интегрироваться лучше, выгоднее. Таким образом, их стратегии изначально исключали сегрегацию или сепарацию.

Корейская культура достаточно пластична и лояльна по отношению к доминирующей культуре. Хотя для того, чтобы отстоять свое культурное своеобразие, свою “инаковость”, необходима некоторая доля агрессии, жесткости, без этого трудно сопротивляться давлению большинства. Но корейцы, должно быть, интуитивно понимали, что сопротивление не принесет пользы, а скорее навредит народу, оказавшемуся в чужой стране совершенно добровольно. К тому же мигранты первого поколения несли в себе и передавали потомкам чувство благодарности к России, которая дала им приют. Они позволили культуре большинства войти в их жизнь, но постарались сохранить и основные ценности своей культуры, необходимые для выживания группы⁴⁵. Как сказал один из моих ростовских респондентов, Р.В. Ли (предприниматель, 54 года): “Когда кореец что-то новое принимает, он не отказывается от чего-то своего. Традиционные ценности никогда не будут утрачены”⁴⁶.

По словам самих корейцев, тех, с которыми я беседовала во время экспедиций, а также представителей корейской интеллигенции (публицистов, историков, журналистов, писателей, философов), корейцам в России/СССР удалось сохранить такие качества, как трудолюбие, предприимчивость, привычку опираться на собственные силы, индивидуализм, стремление и уважение к образованию.

Жизнь в России трансформировала систему взаимоотношений в обществе, характерную для корейской культурной традиции. Они восприняли правила игры, которые предлагала, а иногда и навязывала им социально доминирующая группа. Сначала это были нормы, ценности, установки русской культуры, затем, может быть, шире, советской, в какой-то степени попытавшейся объединить народы, населяющие нашу страну. Тем не менее корейцы не отказались полностью от некоторых, важных для выживания элементов традиционной социальной структуры и соответствующих ей отношений. Их упростили, но стержень – взаимоотношения внутри семьи между поколениями, родственниками, – в основном сохранился. Чтобы продемонстрировать в какой степени эти элементы осознаются корейцами как существенные и важные, обратимся к терминологии родства, которую используют российские корейцы. По моим наблюдениям, в Ростовской обл. самых близких родственников в пределах нуклеарной семьи называют русскими терминами. Родство же более отдаленное (бабушки и дедушки, дяди и тети) обозначается при помощи корейской терминологии, отражающей внутрисемейную иерархию взаимоотношений и взаимные обязательства родственников. Например, особые термины существуют для обозначения старших и младших братьев и сестер родителей. Корейцы переняли русскую антропонимическую модель (фамилия–имя–отчество), но при этом не много найдется корейцев, не помнящих свой *пой* (литературное – “пон” – отгопонимическое имя, название местности, откуда по преданию происходят их предки). Люди с одинаковым *пой* воспринимаются как родственники и ждут друг от друга поддержки.

Пока этот стержень существует, корейцы осознают свое отличие от других, а значит, это поддерживает их самосознание.

Специфика корейской культуры в ситуации, когда ее носителям приходится приспосабливаться к иноэтничному окружению, проявляется в том, что корейцы всегда стремятся к компромиссу, избегают открытой конфронтации, даже когда условия

становятся невыносимыми. И это помогает им успешно адаптироваться и выживать. А сколько усилий было потрачено несколькими поколениями, чтобы создать позитивный образ народа?! И до настоящего времени даже рядовые труженики, не говоря уж об интеллектуалах, при всем их индивидуализме, обеспокоены тем, как выглядит народ в глазах населения, среди которого они живут. Благодаря компромиссам происходит не замещение, а соединение культурных ценностей, а значит, большинство корейцев все же пойдет по пути интеграции, а не ассимиляции.

Проблема идентичности представителей народа, оказавшегося вне исторической родины, настолько многогранна, что не может быть полностью раскрыта в рамках одной статьи. Я попыталась лишь показать, как жизненные стратегии индивида, наряду с некоторыми объективными факторами могут повлиять на процесс самоидентификации. К сожалению, за рамками исследования остались такие факторы как урбанизация, которую невозможно рассматривать вне анализа индивидуальных жизненных стратегий, отношение со стороны принимающего населения, и, возможно, некоторые другие. На примере корейцев мы видим, как внутренние установки культуры способствуют формированию различных стратегий выживания в сложных исторических условиях и какую трансформацию при этом может испытывать этническая идентичность.

Примечания

¹ Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. Алматы, 1995. С. 8–9.

² Корейцы, проживающие на территории постсоветского пространства, называют себя “корё сарам” – буквально “люди страны Корё” (*Джарылгасинова Р.Ш.* Корейцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 203). До распада СССР в научной литературе использовался термин “советские корейцы”. По мнению известного казахстанского корееведа Г. Кима термин “корё сарам” относится к корейцам, в конце XIX в. мигрировавшим на территорию России и их потомкам. Термин “советские корейцы” – более общий (*Kim G. Korean Diaspora in post-Soviet Central Asia: Relations with and Attitudes toward North and South Korea* // www.world.lib.ru). В.С. Хан, напротив, считает термин “корё сарам” более широким, объединяющим всех корейцев, оказавшихся в силу разных исторических причин на территории царской России и СССР. Термин же “советские корейцы” отражает изменения в менталитете, появившиеся за годы проживания в советском государстве (*Хан В.С.* К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Матер. Междунар. науч. конф. Бишкек, 6 февраля 2003 г. Электронная версия печатного издания. Бишкек, 2003). В современной научной литературе о корейцах нашли отражение новые геополитические реалии – корейцев, расселенных на территории бывшего СССР, именуют теперь “корейцы Казахстана”, “российские корейцы”, “корейцы СНГ” и т.д.

³ Попков В. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 62–65.

⁴ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57–58.

⁵ Попков В. Указ. соч. С. 64.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Газета “Российские корейцы”, которую издает Общероссийское объединение корейцев (Москва), журнал “Корё сарам” (Ленинград), выходил с 1991 по 1993 г.

⁸ Ланьков А.Н. Корейцы СНГ: страницы истории // Сеульский вестник. Весна 2002 г. Электронная версия.

⁹ Leibkind K. Minority Identity and Identification Processes: A Social Psychological Study // Maintenance and Reconstruction of Ethnolinguistic Identity in Multiple Group Allegiance. Helsinki, 1984. P. 21.

¹⁰ До 1945 г. корейцы относились к категории административно высланных. Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. “О правовом положении спецпереселенцев” закрепило принудительное трудовое устройство спецпереселенцев и ограничение их свободного передвижения. В июле 1945 г. по приказу Л. Берия корейцы были взяты на учет как спецпереселенцы уже официально. Декретом Министерства внутренних дел от 3 марта 1947 г. корейцам в течение 5 лет запрещалось свободно передвигаться по стране. (*Рахманкулова А.* Документы Цга Ру по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е годы (на примере корейцев) // www.world.lib.ru 2002).

¹¹ Ким Г.Н., Мен Д.В. Указ. соч. С. 212.

¹² Югай Г.А. Указ. соч. С. 11.

¹³ Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология. М., 2001. С. 233.

¹⁴ Taylor D.M., McKirnan D.J. A Five-Stage Model of Intergroup Relations // British Journ. of Social Psychology. 1984. Vol. 23. P. 291–300; Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam M. Responding to Membership in a Disadvantaged Group: from Acceptance to Collective Protest // Jor. of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. P. 994–

1003. (Цит. по: *Стефаненко Т.Г.* Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 36).
- ¹⁵ *Kho Songmo.* Koreans in Soviet Central Asia // *Studia Orientalia.* Helsinki, 1987. Vol. 61. (Цит. по: *Kim G.* Koryo Saram or Koreans of the Former Soviet Union in the Past and Present // www.world.lib.ru).
- ¹⁶ *Ким Г.Н., Мен Д.В.* Указ. соч. С. 247.
- ¹⁷ Там же. С. 25, 130.
- ¹⁸ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Ростовская обл., Азовский р-н. С. Кулешовка. Ноябрь 2001 г. Тетр. 7. С. 19–20.
- ¹⁹ При этом следует иметь в виду, что мужчины, в отличие от женщин, в ходе интервью более склонны к разговору о своей работе и профессиональных достижениях как личных, так и групповых.
- ²⁰ *Де-Вос Дж.* Указ. соч. С. 239.
- ²¹ ПМА. Ростовская обл. Пос. Койсуг. Январь 2003 г.
- ²² *Min Pyong Gap.* Cultural and economic boundaries of Korean ethnicity: a comparative analysis // *Ethnic and Racial Studies.* Vol. 14. № 2. P. 229.
- ²³ Культурный центр “Первое марта”, возглавляемый пастором Ли Хен Гыном, является ассоциированным членом ООК. См.: ФНКА и ООК: противостояние или нормальная альтернатива // *Российские корейцы.* 2002. Ноябрь. № 11(32). С. 4.
- ²⁴ “Чори” – “Поклон”.
- ²⁵ ПМА. Ростовская обл. Батайск. Июнь–июль 2002 г. Тетр. 4. Июнь–июль 2002 г. С. 17–18.
- ²⁶ Там же. С. 22.
- ²⁷ *Ланьков А.* Корейцы СНГ, или Необыкновенные приключения конфуцианцев в России // www.russ.ru/politics/20020109-lan.html
- ²⁸ *Ким Г.Н., Мен Д.В.* Указ. соч. С. 242.
- ²⁹ *Ко Сон Му.* Язык и коммуникация корейцев в Советской Центральной Азии // *Корейцы Средней Азии и Казахстана в зарубежных исследованиях.* Алма-Ата, 1990. С. 33; *Шин Юн Ча.* Советские корейцы и их культура в СССР // Там же. С. 26.
- ³⁰ *Ионова Ю.В.* У корейцев Средней Азии // *Кр. сообщ. Ин-та этнографии.* Вып. XXXVIII. 1963. С. 34.
- ³¹ *Ким Г.Н., Мен Д.В.* Указ. соч. С. 218.
- ³² *Ланьков А.* Корейцы СНГ, или Необыкновенные приключения конфуцианцев в России // Указ. соч.; *Ким Г.Н.* Статус и состояние “родного языка” корейцев // *История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.*
- ³³ *Хаарманн Х.* Социополитические и социокультурные условия жизни корейцев в Советском Союзе // *Корейцы Средней Азии и Казахстана в зарубежных исследованиях.* С. 20–21.
- ³⁴ *Ким Г.Н.* Указ. соч.
- ³⁵ *Хан М.М.* Язык и этническое самосознание корейцев Казахстана // *Кунсткамера. Этнографические тетради.* СПб., 1996. Вып. 10. С. 45.
- ³⁶ *См. Югай И.Г.* Об этнической идентификации советских корейцев (по материалам конкретно-социологического исследования) // *Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии (Алматы; Хельсинки).* 1993. № 4. С. 30; *Хан В.С.* К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // *История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.*
- ³⁷ *Ким Б.* Ветры наших судеб. Советские корейцы: история и современность. Ташкент, 1991. С. 54.
- ³⁸ *Буев В.* Сергей Ким – телемистер “икс” // *Корё сарам.* Вып. 4. 1993. С. 9–10.
- ³⁹ Там же. С. 10.
- ⁴⁰ Там же. С. 9.
- ⁴¹ *Kim G.* We and They. Relations of Korean Diaspora in Kazakhstan with North and South of Korea // www.world.lib.ru
- ⁴² ПМА. Ростовская обл. Январь–февраль 2003 г.
- ⁴³ *Солдатова Г.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 48 (Сер. “Фундаментальная психология”).
- ⁴⁴ ПМА. Ростов-на-Дону. Июнь–июль 2002 г. Тетр. 7. С. 138–139.
- ⁴⁵ Я благодарна Р.В. Ли, который в ходе нашей беседы в июле 2002 г. обозначил некоторые существенные особенности адаптационной стратегии российских корейцев, получившие отражение в заключительной части данной статьи.
- ⁴⁶ ПМА. Ростов-на-Дону. Июнь–июль 2002 г. Тетр. 7. С. 128–129.

T. V. Volkova. Russia's Koreans: The Issue of Self-Identification

After the forced relocation of Koreans from the Russian Far East to the republics of Central Asia, the author argues, several generations of Koreans grew in a cultural environment that was unlike the compact, clustered settlements in the Far East. The author makes an attempt to analyze personal and social identity transformations among these generations of Koreans and trace their broader consequences. The article explores a relationship between cultural/ethnic identities and strategies of survival under difficult historical conditions.